

004613429

на правах рукописи

Гилев Алексей Владимирович

**ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
УСТОЙЧИВОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ
МНОГООБРАЗИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

1 8 НОЯ 2010

Пермь 2010

Диссертация выполнена на кафедре политических наук и социологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге

**Научный
руководитель:** кандидат политических наук
ГЕЛЬМАН Владимир Яковлевич

**Официальные
оппоненты:** доктор политических наук
ПОДВИНЦЕВ Олег Борисович

кандидат политических наук
КЫНЕВ Александр Владимирович

**Ведущая
организация:** Нижегородский государственный
университет им. Н.И.Лобачевского

Защита состоится 3 ноября 2010 года в 15.00 на заседании
Диссертационного совета К 212.189.04 по политическим наукам при
Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь,
ул. Букирева, 15, Пермский государственный университет, корпус 1,
Зал Ученого совета ПГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского
государственного университета.

Автореферат разослан < 7 > октябрь 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат политических наук, доцент

Н.В. Борисова

Общая характеристика работы

Актуальность исследовательской темы. К исходу второго десятилетия постсоветское пространство становится все более разнообразным: помимо общего прошлого возникшие на территории бывшего СССР государства почти ничего не объединяет. Среди пятнадцати республик, составлявших прежде единое государство, имеются и парламентские демократии (например, Эстония), и персоналистские автократии (например, Туркменистан), и разнообразные «гибридные» режимы (например, Армения). Однако именно такое разнообразие делает постсоветское пространство особенно важным объектом для сравнительной политологии.

В отличие от других полигонов для сравнительных политических исследований, таких как Южная Америка, зона Центральной Восточной Европы или страны Африки южнее Сахары, в случае постсоветских государств основанием для анализа является не географически обусловленное культурное сходство стран, а близкие обстоятельства становления режимов: советские государственные институты, изначальное отсутствие традиции партийной конкуренции, необходимость одновременного реформирования сфер экономики и политики и национального строительства. Валидность выводов для культурно разнородного постсоветского пространства, таким образом, не будет подтачиваться выведенными за скобки культурными факторами. Кроме того, различия советских республик, синкретично рассматриваемые как культурное многообразие - это не недостаток объектного поля, но достоинство, позволяющее тестировать гипотезы о значении различных факторов. Ведь, несмотря на то, что уникальные исторические обстоятельства оформления каждого из постсоветских режимов хорошо известны, по-прежнему остается

открытым вопрос, почему схожие характеристики в разных республиках способствовали различным результатам.

Политические режимы постсоветского пространства оказывались отличны и по форме правления, и по степени демократичности. В этой связи случаи постсоветских государств актуализировали научные проблемы выбора институтов и «гибридности» демократий. Постепенно политический процесс способствовал иному заострению проблем: режимные конфигурации оказывались в разной степени устойчивыми и самовоспроизводящимися - в то время как одни на протяжении двух десятилетий практически не подверглись трансформациям, другие изменялись неоднократно. Регулярность этих изменений способствовала тому, что темы «цветных революций», «кризиса преемничества», «партий власти» становились злободневными не только для научного сообщества, но и для общества в целом. Многообразие постсоветских случаев позволяет поставить в их отношении вопрос: Почему одни режимы меняются, а другие - нет? Иначе говоря: **Какие факторы способствуют устойчивости, либо неустойчивости режимов постсоветского пространства?**

Степень разработанности проблемы. Трансформации политических режимов – одно из основных направлений сравнительной политологии. Достаточно упомянуть такие издания, как сборник о режимных трансформациях в Южной Америке под редакцией С. Мейнуоринга, Г. О’Доннелла и Х. Валенсуэлы¹, монографию о демократизации в Африке М. Браттона и Н.

¹ Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, J.S. Valenzuela. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1993.

ван де Валле², рассматривающий случаи по всему миру труд Х. Линца и А. Степана³.

Режимным трансформациям на постсоветском пространстве также посвящен значительный объем публикаций. Анализу трансформаций в одном или нескольких государствах посвящены работы отечественных и зарубежных авторов: Л. Вэя, В. Гельмана, П. Джонс Луонг, А. Ильхамова, К. Коллинз, А. Куртова, А. Кынева, Б. Макаренко, М. Макфола, А. Маркарова, К. Мацузато, М. Олкотт, Э. Уилсона, Л. Фисуна, С. Фиша, Д. Фурмана, Ю. Хаски, Г. Хейла⁴. Трансформации постсоветских

² Bratton M., Valle N. van de. *Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

³ Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

⁴ Way L. Pluralism by Default in Moldova. // *Journal of Democracy*. - 2002. - №4. - P. 127 – 141; Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave. // *World Politics*. - 2005. - №2. - P. 231 – 261; Гельман В.Я. Уроки украинского. // *Полис*. - 2005. - №1. - С. 36 – 49; Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе. // *Полис*. - 2007. - №2. - С. 81 – 108; Jones Luong P. *Institutional Changes and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Ilkhamov A. Neopatrimonialism, interest groups and patronage networks: the impasses of the governance system in Uzbekistan. // *Central Asian Survey*. - 2007. - №1. - P. 65 – 84; Collins K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Куртов А. Демократия выборов в Казахстане: Авторитарная эволюция. // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. - 2000. - №2. - С. 2 – 10; Кынев А. Эффекты «майдана»: Политическая система Украины после кризиса 2004 г. // *Полис*. - 2005. - №1. - С. 63 – 71; Макаренко Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита. // *Мир перемен*. - 2005. - №3. - С. 107 – 124; Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма. // *Pro et Contra*. - 2005. - №2. - С. 92 – 107; McFaul M. *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World*. // *World Politics*. - 2002. - №2. - P. 212 – 244; Маркаров А. Полупрезиденциализм в контексте постсоветской трансформации. // *Политэкс*. - 2006. - №2. - С. 279 – 288; Matsuzato K. *Semipresidentialism in Ukraine: Institutional Centrist Rampant Clan Politics*. // *Democratizatsiya*. - 2005. - №1. - P. 45 – 58; Олкотт М.Б. Казахстан:

республиках рассмотрены в сборниках под редакцией О. Маргания и Д. Травина, К. Давиша и Б. Паррота⁵.

Большая часть текстов о постсоветских режимах выполнена в транзитологической традиции, заложенной Д. Растоу⁶ и продолженной Г. О'Доннеллом и Ф. Шмиттером⁷. В рамках данной традиции внимание, как правило, концентрировалось на формате перехода и условиях последующей консолидации⁸. Проблемы демократизации в ряде случаев способствовали ревизии терминологического аппарата и появлению новых

непройденный путь. М. Московский центр Карнеги; Гэндалф, 2003; Wilson A. *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven; London: Yale University Press, 2005; Фисун А. Политическая экономия «цветных революций»: Непатримониальная интерпретация. // *Прогнозис*. - 2006. - №3. - С. 211 – 244; Фисун А. Постсоветские непатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. // *Отечественные записки*. - 2007. - №6. - С. 8 – 28; Fish M.S. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Фурман Д.Е. Постсоветский политический режим Казахстана. М.: ИЕ РАН, Огни, 2004; Huskey E. *The Rise of Contested Politics in central Asia: Elections in Kyrgyzstan, 1989-1990*. // *Europe-Asia Studies*. - 1995. - №5. - P. 813 – 833; Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия. // *Pro et Contra*. - 2008. - №1. - С. 6 – 21; Hale H. *Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patrimonial presidentialism*. // *Communist and Post-Communist Studies*. - 2006. - №3. - P. 305 – 329.

⁵ СССР после распада. / Под ред. О.Л. Маргания, Д.Я. Травина. СПб.: Экономическая школа, 2007; *Conflict, cleavage and change in Central Asia and Caucasus*. / Ed. by K. Dawisha, B. Parrott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; *Democratic changes and authoritarian reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. / Ed. by K. Dawisha, B. Parrott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; *The consolidation of democracy in East-Central Europe*. / Ed. by K. Dawisha, B. Parrott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁶ Rustow D.A. *Transitions to Democracy. Toward a Dynamic Model*. // *Comparative Politics*. - 1970. - №3. - P. 337 - 363.

⁷ O'Donnell G. and Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986.

⁸ См., например, McFaul M. *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World*. // *World Politics*. - 2002. - №2. - P. 212 - 244.

категорий, так называемых «демократий с прилагательными»⁹.

Новые подходы позволили рассматривать возникшие «гибридные» и автократические режимы не как временные дефекты демократической консолидации, но как устойчивые эквilibriumy. Весьма полезным для этих целей оказалось наследие Макса Вебера¹⁰. Для анализа неформальных сетей в постсоветских государствах использовалась концепция патримониализма¹¹, уже опробованная на материале африканских стран Г. Ротом, М. Браттоном и Н. ван де Валле¹². Концепция предлагает схему, в которой лидер руководит государством, как своим владением и, пользуясь управленческими полномочиями, извлекает выгоду от эксплуатации государственных ресурсов и перераспределения их между клиентами в обмен на поддержку.

В дальнейшем экономическая теория государства и новый институционализм помогли найти объяснение политических явлений прагматическими стратегиями агентов, одним из которых было государственное руководство¹³. Исследователями используется также концепт «султанизма» - крайней формы патримониализма, характеризующаяся неограниченным произволом властителя¹⁴.

⁹ Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research. // World Politics. - 1997. - №3. - P. 433 - 451.

¹⁰ Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1968. P. 231-237.

¹¹ Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. - Отечественные записки. - 2007. - №6. P. 8 - 28.

¹² Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-Building in the New States. // World Politics. - 1968. - №2. - P. 194 - 206.; Bratton M., Valle N. van de Op. cit.

¹³ North D. A Neoclassical Theory of the State. // Rational Choice. / Ed. by J. Elster. Oxford: Blackwell, 1986. P. 248 - 260.

¹⁴ Eke S. M., Kuzio T. Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus. // Europe-Asia Studies. - 2000. - №3. - P. 523 -

Приведенный обзор литературы показывает, что среди исследований нет работ, которые бы рассматривали в рамках одной методологической модели не один или несколько постсоветских случаев трансформаций политических режимов, а все пятнадцать.

Объект данного исследования - политические режимы бывших республик СССР. Основанием сравнения служат советское политическое наследие и специфическая необходимость множественной трансформации (в политической, экономической и национальной сферах). За рамки исследования выведены случаи «непризнанных» государств, поскольку отсутствие мирового дипломатического признания задает принципиально иные акценты политических процессов - влечет чрезвычайный характер режима и отсрочку реформ.

Предметом данного исследования являются закономерности трансформаций политических режимов.

Цель исследования. Настоящая работа предполагает использование существующего инструментария политической науки для проведения сравнительного исследования с целью определить устойчивость различных типов политических режимов постсоветского пространства и выявить предпосылки их оформления. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. определить динамику полицентричности политических режимов постсоветских государств и с помощью созданной шкалы провести ее измерение;
2. в созданной типологии политических режимов выделить устойчивые и неустойчивые типы;
3. выявить влияние на полицентричность различных комбинаций структурных и агентских факторов,

547; Guliyev F. Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism An Attempt at Conceptualization. // Democratizatsiya. - 2005. - № 3. - P. 393 - 436.

определить, какие из комбинаций способствуют переходу к тому или иному типу;

4. выявить механизмы действия обнаруженных закономерностей на материале проанализированных случаев.

Достижение этих задач требует:

а) создания исследовательской модели анализа трансформаций политических режимов;

б) верификации выдвинутых гипотез на материале пятнадцати постсоветских государств.

Хронологические рамки – с 1985 по 2009 год, от начала Перестройки, сопровождавшегося в некоторых республиках ротацией партийной элиты, до завершения последнего к моменту написания работы политического сезона. Поздний советский период и начало историй постсоветских республик в некоторых случаях может характеризоваться второстепенным значением институтов. Поэтому целесообразно анализировать динамику полицентричности в каждой из пятнадцати стран с момента принятия постсоветской Конституции. Изучение периодов до принятия Конституций необходимо для определения факторов, повлиявших на конституционный формат.

Теоретическая основа исследования. Базовой теоретической парадигмой работы являются новый институционализм, опирающийся на теорию рационального выбора, и теория элит. Предполагается, что институты устойчивы¹⁵ и могут иметь конструирующую и предписывающую силу¹⁶. В качестве главных акторов политического процесса в ракурсе исследования находятся элиты, т.е. группы, оказывающие влияние на

¹⁵ North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 6 – 10.

¹⁶ Weingast B.R. The political foundation of Democracy and the Rule of Law. // American Political Science Review. - 1997. - №2. - P. 245 - 263.

принципиальные решения¹⁷ (*principal decision makers*). Политическая элита в целом рассматривается как совокупность элитных групп. Элитные группы, обладающие контролем над исполнительной властью, определяются как правящая элита. Акторы рассматриваются как рациональные индивиды, чьи интересы и стратегии зависят от институционального дизайна. Институты могут подвергаться изменениям в результате противостояния акторов, либо в случае, если один из акторов занимает доминирующее положение и не считается с другими. Массы как участники политического процесса могут оцениваться не как самостоятельный актор, но как поставщик ресурса поддержки, мобилизуемый элитными группами. В этом смысле руководство массового движения, претендующего на политическое влияние, может рассматриваться как политическая элита, обладающая ресурсом массовой поддержки.

Стратегии элит рассматриваются через призму патримониального подхода. Предполагается, что элиты используют возможности политического влияния (политический ресурс) для обмена с политическими брокерами, формируя патрональные сети. Под патрональными сетями в данной работе подразумевается предельно широкий набор устойчивых прагматических взаимодействий на основе описанной схемы обмена. Политическими брокерами, включающимися в сеть, могут быть разного рода коллективные и индивидуальные агенты и заинтересованные группы - представители бизнеса, силовые группы, региональные элиты и т.д. Частным случаем патрональных сетей являются политические

¹⁷ Burton M., Gunther R. and Higley J. Introduction: elite transformation and democratic regimes. // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. / Ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. P. 1 - 37.

машины, производящие обмен электоральной поддержки на услуги владельца политического офиса¹⁸. Ключевым для настоящей работы является не столько личностный характер патрон-клиентских связей или маскировка под дружбу, но взаимовыгодное содержание этих связей без их формализации.

Выбор политическими брокерами патрона задается рамками политического режима. Такие характеристики режима как конституционный баланс сил президента и парламента и монолитность политического пространства определяют количество ресурсных центров, патрональные сети которых привлекательны для политических брокеров. Моноцентричности политических режимов способствует больший объем президентских полномочий, полицентричности режима способствует больший объем полномочий у парламента. Фрагментация политического пространства, т.е. представленность альтернативных правящей элите элитных групп, способствует полицентричности режима, тогда как монолитность, т.е. отсутствие альтернативных элитных групп, способствует моноцентричности.

Основные понятия. Необходимо определить основные термины, используемые в диссертационной работе.

Моноцентричность – характеристика режима, при котором политические ресурсы государства контролируются одной группой акторов. *Полицентричность* – характеристика режима, при котором политические ресурсы государства контролируются несколькими группами акторов.

¹⁸ Scott J. Corruption, Machine Politics and Political Change. // American Political Science Review. - 1969. - №4. - P. 1142 – 1153.

Конституционный баланс – закрепленное в конституционном законодательстве соотношение полномочий президента и парламента.

Монолитность режима – степень контроля правящей элиты над органами власти центра и регионов. Обратной характеристикой является *фрагментация режима* – степень влияния альтернативных правящей элите элитных групп в органах власти центра и регионов.

Устойчивость режима характеризуется сохранением конфигурации конституционного баланса и монолитности.

Методология исследования. В соответствии с задачами исследования необходимо определить: (1) как соотношение сил агентов влияет на конституционный баланс, (2) как соотношение структурных факторов влияет на монолитность политического режима, (3) какое сочетание конституционного баланса и монолитности обеспечивает устойчивость режима.

Зависимыми переменными являются конституционный баланс и монолитность режима. *Независимыми переменными* – замещение элиты, наличие доминирующего государственного лидера, влияние партий, европейское расположение, наличие пограничных конфликтов, а также размер государства, наличие этнокультурного раскола, влияние «местничества», ротация элиты.

Конституционный баланс измеряется с помощью специальной шкалы, сконструированной на основе индексов Шугарта и Кэри¹⁹ и трехбалльных шкал Фрая и Зазнаева²⁰. Измеряются пять параметров: полномочия

¹⁹ Shugart M.S., Carey J.S. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, 1992. P. 106 – 166.

²⁰ Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies. *Comparative Political Studies*. 1997. №5. P. 523 - 552; Зазнаев О.

назначения премьер-министра, отставки кабинета министров, роспуска парламента, процедура избрания и законодательные полномочия президента. Суммирующий их значения показатель объема президентских полномочий (Р) может иметь значения от 0 до 10. Фигура президента оценивается как «слабая» при $P < 5$, как «сильная» при $P > 6$, как «относительно сильная» при Р равном 5 или 6, конституционный баланс в таком случае рассматривается как «смешанный».

Монолитность режима измеряется с помощью аналогичной шкалы с пятью параметрами: независимость региональных лидеров, наличие сената, формула избрания депутатов в нижнюю палату парламента, оппозиционность нижней палаты, сила президентского мандата. Суммирующий показатель монолитности (М) также может иметь значения от 0 до 10. Монолитность оценивается как низкая при М до 6 баллов включительно и как высокая при $M > 6$.

Влияние независимых переменных, выбранных на основе существующих теорий, определяется с помощью использующего математический аппарат сравнительного метода булевой алгебры. В соответствии с методом, независимым переменным присваивается значения 1 или 0, далее выявляется влияние на зависимые переменные, как отдельных независимых переменных, так и их комбинаций²¹.

К агентским переменным, которые, согласно гипотезам, могут оказать влияние на конституционный баланс, относятся:

Индексный анализ полупрезидентских государств Европы. // Полис. - 2007. - №2. - С. 146 – 164.

²¹ Ragin C.C. The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1989.

1. *замещение элиты* – приход к власти (на посты президента и главы правительства) аутсайдеров оценивается как 1, сохранение власти у инсайдеров оценивается как 0;
2. *влияние партий* – партизация политического процесса фиксируется и оценивается как 1 при переходе власти от КПСС к представителям общественных движений в начале 1990-х, а позднее в случае применения пропорциональной формулы при избрании парламента;
3. *наличие доминирующего государственного лидера* («правлящего фаворита») – наличие «правлящего фаворита» фиксируется и оценивается как 1, когда действующий глава государства во-первых всенародно избран, во-вторых претендует на избрание по новому варианту Конституции, в-третьих не уступает во влиянии вероятным соперникам, иные случаи оцениваются как 0.

Влияние агентских факторов на конституционный баланс, согласно гипотезам, может быть ограничено структурными переменными:

4. *европейское расположение* – расположенность в Европе оценивается как 1, государства Закавказья и Центральной Азии получают 0;
5. *наличие пограничных конфликтов* – территориальный конфликт, ставящий под сомнения границы государства, оценивается как 1.

К переменным, которые, согласно, гипотезам, могут оказывать влияние на монолитность режима, относятся:

1. *размер государства* – рассматривается сложность субнационального деления, наличие устойчивой структуры регионов (областей) в советский период оценивается как 1, неустойчивость или отсутствие такой структуры оценивается как 0;
2. *наличие этно-культурного раскола* - апелляции к этно-культурным отличиям со стороны не маргинальных,

но претендующих на политическое доминирование групп свидетельствует о политизированности территориального раскола и оценивается как 1, ситуации, когда эксплуатация территориального раскола влечет скромные электоральные бонусы, оцениваются как 0;

3. *влияние «местничества»* - если значение аграрного сектора для республиканской экономики было выше, чем значение промышленного, переменная имеет значение 1, для преимущественно промышленных республик переменная имеет значение 0;

4. *ротация элиты* - одна смена партийного руководства с начала Перестройки до перехода власти к Верховным советам в 1990-м году рассматривается как относительная устойчивость и оценивается как 1, более частая ротация оценивается как 0;

5. Кроме того, согласно гипотезе, изменения монолитности в постсоветский период, могут быть связаны с влиянием установившегося *конституционного баланса сил*.

Эмпирическая основа. Для измерения зависимых переменных анализируется конституционное законодательство и электоральная статистика государств. Измерение независимых переменных требует анализа политического процесса в государствах, биографий лидеров, региональной структуры, демографической и экономической статистики.

Научная новизна исследования определяется полученными результатами:

1. актуальные научные проблемы, связанные с постсоветскими режимами, (расхождение траекторий постсоветских режимов, различная устойчивость «гибридных режимов», причины «кризисов наследования» и «цветных революций») были проанализированы и получили новый вариант решения благодаря совмещению

двух современных подходов – нового институционализма и патримониализма, продемонстрированы возможности совместимости этих подходов;

2. определены устойчивые и неустойчивые режимные конфигурации и комбинации факторов, способствующие их оформлению; степень устойчивости режимных конфигураций объясняется стратегиями политических брокеров;

3. введен в научный оборот новый эмпирический материал, который позволил протестировать выдвинутые гипотезы на материале пятнадцати постсоветских республик и провести анализ (case-study) всех пятнадцати случаев;

4. на материале постсоветских режимных изменений опробован использующий тонкий математический инструментарий сравнительный метод булевой алгебры, позволивший обнаружить несколько основных вариантов трансформаций;

5. предложена теоретическая модель постсоветских режимных траекторий, преодолевающая противоречия между циклической и линейной моделями;

6. предложен новый инструментарий – индекс моноцентричности политических режимов и типология политических режимов, позволяющие изучать постсоветское пространство в сравнительной перспективе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наличие «правлящего фаворита» являлось необходимым, но не достаточным условием формирования *сильного суперпрезидентализма* в постсоветских государствах. Существовало три пути его формирования:
(1) борьба пришедшего к власти аутсайдера против относительно влиятельных партий и движений (Россия – 1993, Азербайджан - 1995, Армения – 1995, Грузия – 2004);
(2) борьба внепартийного аутсайдера против

невлиятельных партий при слабости групп, апеллирующих к «европейской идее» (Белоруссия – 1996); (3) подавление инсайдерскими элитами слабых партий вдали от европейского влияния (Казахстан - 1995, Кыргызстан – 1996, Туркменистан и Узбекистан), здесь временным препятствием элитам может служить этнотерриториальный раскол.

2. *Смешанный баланс* не имеет необходимых причин, а его формирование соответствует двум вариантам: (1) инкубент, сохраняющий преемственность прежней элите, не имеет возможности оформить сильный суперпрезиденциализм либо из-за партизации политического процесса (Грузия 1995), либо из-за европейского влияния (Украина 1995), либо из-за обоих факторов (Молдова 1994); (2) слабость партий либо препятствует установлению парламентского господства в отсутствие «правлящего фаворита» (Белоруссия 1994, Таджикистан 1994), либо позволяет неевропейскому аутсайдеру символически прервать преемственность с прежней элитой без рисков для доминирования (Кыргызстан 2007).

3. Режим с *зависимым от парламента правительством* имеет две необходимых предпосылки – наличие относительно сильных партий и отсутствие «правлящего фаворита». Отсутствие «правлящего фаворита» возможно либо, когда всенародно избранного главы государства нет (Латвия 1993, Литва 1992, Эстония 1992), либо когда избранный глава государства не являлся фаворитом (Молдова 2000, Украина 2004, Армения 2005).

4. *Монолитность* в постсоветских случаях изначально складывалась в больших республиках с сильным местничеством (Казахстан и Узбекистан), в небольших республиках, где сильное местничество без застоя элит погасило территориальный раскол (Молдова) и в

небольших территориально однородных республиках (Туркменистан, Азербайджан, Грузия, Армения, Литва).

5. *Фрагментация* изначально сложилась в республиках, где преобладание «ведомственности» сочеталось с наличием регионального звена (Россия, Белоруссия), где оно сочеталось с территориальным расколом (Латвия, Эстония), где оно сочеталось и с тем, и с другим (Украина), этнический раскол в небольшом государстве обострялся слабой ротацией элит (Кыргызстан, Таджикистан).

6. После перехода к независимости монолитность зависела от конституционного баланса. Наличие сильного президента укрепляло *монолитность*, слабый президент провоцировал *фрагментацию*.

7. Действенность европейского влияния на полицентричность режима зависит не столько от географической близости к Европе, сколько от возможности использования «европейской идеи» движениями, опирающимися на крупный политизированный этно-культурный раскол. Политизированный раскол в свою очередь обладает большим сдерживающим эффектом, если сочетается с «европейской идеей».

8. Влияние на степень полицентричности режима оказывал не сам пограничный конфликт, но его последствия. Наличие силовых ресурсов у сторон способствовало большей, излишней при прочих факторах, компромиссности.

9. Различное соотношение параметров монолитности и конституционного баланса позволяет выделить шесть типов постсоветских режимных конфигураций. Устойчивыми оказываются два типа - защищенный моноцентризм (сильный суперпрезидентализм, монолитность) и защищенный полицентризм (сильный

парламент, фрагментация). Два внутренне противоречивых типа расщепленный моноцентризм (сильный суперпрезидентализм, фрагментация) и конституционно ограниченный моноцентризм (сильный парламент, монолитность) редки и стремятся к близким устойчивым типам – соответственно защищенному моноцентризму и защищенному полицентризму. Неустойчивыми оказываются два типа: картельный моноцентризм (смешанный баланс, монолитность) и конфликтный полицентризм (смешанный баланс, фрагментация).

10. В случае «кризиса наследования» политические брокеры, включенные в патрональные сети правящей элиты, могут перестать связывать с ней свои ожидания в преддверии выборов. В неустойчивых конфигурациях «кризис наследования» может сопровождаться дестабилизацией политического процесса, в том числе попытками «цветных революций». Защищенный моноцентризм успешнее преодолевает «кризис наследования», т.к. ожидания политических брокеров сильнее связаны с правящей группой, что упрощает передачу власти «преемнику» или продление полномочий главы государства. Защищенный полицентризм не подвержен «кризису наследования», т.к. риски утери власти минимизированы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Данная работа дополняет существующие исследования постсоветских политических режимов. Работа охватывает все пятнадцать случаев на протяжении постсоветской истории, в том числе территории и периоды, которым прежде уделялось незначительное внимание исследователей. Данная работа предлагает интерпретацию политических трансформаций на постсоветском пространстве с помощью патримониалистского подхода. Этот подход получает в работе развитие, благодаря

совмещению с новым институционализмом и теорией рационального выбора.

Благодаря применению гибкой методики булевой алгебры использованные объяснительные модели могут быть дополнены в ходе дальнейших исследований, в том числе в случае очередных изменений или в случае расширения объектного поля.

Использованный, в том числе созданный специально для настоящего исследования, методологический инструментарий может быть в дальнейшем применен при анализе иных политических режимов и их трансформаций.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов «Сравнительная политология», «Современная российская политика», «Политические процессы в странах СНГ».

Апробация результатов исследования. Отдельные тезисы и основные выводы исследования были представлены в докладах на аспирантских семинарах факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), Центра исследований модернизации ЕУ СПб, Всероссийской научной конференции «Политическая наука в методологическом поиске», сессиях проекта HESP ReSET «Методологические семинары по сравнительным исследованиям в политической науке», III Всероссийской Ассамблее молодых политологов. Отдельные результаты исследования отражены в четырех публикациях.

II. Основное содержание диссертационного исследования

Во введении обосновывается актуальность темы, дается краткий критический обзор исследований по теме, ставятся цели и задачи настоящего исследования, определяется его методология.

Первая глава «Исследовательская модель» представляет собой методологическую часть работы и посвящена обоснованию и операционализации зависимых и независимых переменных, используемых в исследовательской модели.

В первом параграфе «Зависимые переменные» рассмотрены теоретические трудности, связанные с категорией «политический режим», избрано определение политического режима, обосновано рассмотрение политических режимов в аспекте моноцентричности/полицентричности, предложена двухмерная шкала измерения политических режимов.

Различные традиции определения понятия «политический режим» требуют четкого выбора дефиниции. Для настоящего исследования избрано перечислительное определение режима как совокупности его составляющих: формата институтов, обеспечивающих доступ к управленческим позициям, и характеристик акторов политического процесса с их возможными стратегиями²². Ключевой характеристикой политического режима является наличие множества центров, способных влиять на политический курс – полицентричность. Обратная ей характеристика – способность правящей элиты единолично контролировать политический курс – моноцентричность. Уровень моноцентричности/полицентричности рассматривается как фактор, определяющий стратегии политических брокеров и конфигурацию патрон-клиентских сетей.

Для операционализации режима отдельно анализируются определяющие моноцентричность параметры – конституционный баланс и монолитность. В

²² O'Donnell G. and Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986.

результате создается двухмерная шкала измерения моноцентричности²³. На основании этой шкалы предлагается типология политических режимов из шести типов (защищенный моноцентризм, расщепленный моноцентризм, картельный моноцентризм, конфликтный полицентризм, конституционно ограниченный моноцентризм, защищенный полицентризм).

Во втором параграфе «Независимые переменные» на основании существующей теоретической базы²⁴ выдвигаются и обосновываются гипотезы о влиянии факторов на конституционный баланс и монолитность политического пространства. Гипотезы состоят в том, что замещение элиты, влияние партий и европейское расположение способствуют большей полицентричности и конституционному балансу в пользу парламента, наличие «правлящего фаворита» и пограничный конфликт способствуют большей моноцентричности и конституционному балансу в пользу президента, наличие

²³ Подробное описание шкалы дано выше, в пункте «Методология исследования» части I автореферата.

²⁴ Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе. // Полис. - 2007. - №2. - С. 81 – 108; Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies. Comparative Political Studies. - 1997. - №5. - P. 523 – 552; Hale H.E. Regime Cycles. Democracy and Autocracy in Post-Soviet Eurasia. // World Politics. - 2005. - №1. - P. 133 – 165; Matsuzato K. Differing Dynamics of Semipresidentialism across Euro/Eurasian Borders: Ukraine, Lithuania, Poland, Moldova, and Armenia. // Democratizatsiya. - 2006. - №3. - P. 317 – 345; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World. // World Politics. - 2002. - №2. - P. 212 – 244; Rutland P. The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge, 1993; Shugart M.S. The Inverse Relationship between Party Strength and Executive Strength: A Theory of Politicians' Constitutional Choices. // British Journal of Political Science. - 1998. - №1. - P. 1 – 29; Way L. Pluralism by Default in Moldova. // Journal of Democracy. - 2002. - №4. - P. 127 – 141; Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave. // World Politics. - 2005. - №2. - P. 231 – 261; Weingast B.R. The political foundation of Democracy and the Rule of Law. // American Political Science Review. - 1997. - №2. - P. 245 – 263.

политизированного этно-культурного раскола и малый размер государства способствуют большей фрагментированности, а преобладание «местнических» аграрных сетей и незначительная ротация партийных элит способствуют большей монолитности. Кроме того, согласно гипотезе, конституционный баланс в пользу парламента влечет рост фрагментированности, а конституционный баланс в пользу президента влечет рост монолитности. Независимые переменные операционализируются как бинарные²⁵.

Вторая глава «Тестирование гипотез», центральная для настоящего исследования, посвящена проверке связей между переменными. В начале главы дано обоснование для сравнения, затем в двух подпараграфах изложены результаты измерения, соответственно, зависимых и независимых переменных. В следующей части главы кратко изложены основные правила применения методики булевой алгебры, затем последовательно проведена проверка гипотез и интерпретация результатов для зависимых переменных - конституционного баланса и монолитности.

Основанием для сравнения случаев служит в первую очередь общность советских политических институтов до 1990-х годов, что позволяет обнаруживать закономерности, работающие даже для несхожих между собой государств.

Параграф 1.1. «Измерение политических режимов» сопровождается сводной таблицей с результатами. На основании результатов политические режимы государств соотносятся с шестью типами. Определяются устойчивые и неустойчивые типы.

Параграф 1.2. «Измерение независимых переменных» представляет соответствующие результаты для пятнадцати республик.

²⁵ Более подробно операционализация независимых переменных описана в пункте «Методология исследования» части I автореферата.

Параграф 2.1. «Проверка гипотез. Конституционный баланс» предлагает уравнения для сильного суперпрезиденициализма, смешанного конституционного баланса и доминирования парламента во внутренней политике. Выявляются комбинации факторов, способствовавшие каждому исходу. Гипотезы о том, что влияние партий способствует доминированию парламента, и о том, что наличие «правлящего фаворита» способствует силе президента, в целом подтверждаются. Влияние замещения элиты и европейского расположения варьируется в зависимости от сочетания переменных. Однородное влияние фактора территориальных конфликтов зафиксировать не удалось.

Параграф 2.2. «Проверка гипотез. Монолитность режима» предлагает уравнения для монолитности и фрагментации после перехода к независимости. Выявлены комбинации факторов, способствовавшие каждому исходу. Гипотеза о том, что сильное «местничество» способствует монолитности, подтвердилась для больших государств. Гипотеза о том, что политизированный этно-территориальный раскол способствует фрагментированности, подтвердилась для малых государств. Влияние размера государства и ротации элит варьируется в зависимости от сочетания переменных. Гипотеза о том, что большой объем президентских полномочий способствует в постсоветский период большей монолитности, подтверждается.

В третьей главе «Анализ случаев» обнаруженные во второй главе закономерности использованы для объяснения динамики режимных трансформаций в пятнадцати постсоветских государствах. В начале главы в соответствии с избранной методологией, сочетающей подходы патримониализма и нового институционализма, предложена модель анализа постсоветских политических

процессов. Предполагается, что стабильные периоды поддержания патрональных сетей в неизменном формате перемежаются периодами неопределенности, когда политические брокеры могут менять патронов. Изменения ожиданий политических брокеров связаны с обоснованностью претензий правящей группы на доминирование. Политические брокеры могут включиться в сети поддержки доминирующего лидера или выйти из сетей под воздействием «кризиса наследования». По окончании периода неопределенности складывается новый стабильный формат патрональных сетей.

Случаи, анализируемые в третьей главе, сгруппированы. Сначала рассмотрены случаи государств, где первый же период неопределенности привел к установлению стабильной конфигурации. В Азербайджане, Туркменистане и Узбекистане сложилась конфигурация защищенного моноцентризма, а в Латвии и Эстонии – защищенного полицентризма. При данных конфигурациях ожидания политических брокеров были определены.

Затем рассмотрены случаи государств, где после первого «огневого рубежа» изменилась только степень монолитности. В России и Таджикистане значительный объем полномочий президента способствовал реконфигурации патрональных сетей и переходу к более монолитным типам защищенного моноцентризма и картельного моноцентризма соответственно. В Литве небольшой объем полномочий президента способствовал распределению патрональных сетей между несколькими силами и переходу к более фрагментированному типу защищенного полицентризма.

В конце главы проанализированы случаи государств, прошедших несколько периодов неопределенности. В Белоруссии, Грузии, Казахстане и Кыргызстане середины 1990-х исход противостояния в период неопределенности в

пользу президента способствовал увеличению его конституционных полномочий. В случаях Армении, Кыргызстана середины 2000-х, Украины и Молдовы к увеличению объема полномочий парламента привела неопределенность ожиданий политических брокеров относительно перспектив правящих групп, сопровождавшаяся в первых трех случаях «кризисом наследования».

В заключении обобщены основные выводы исследования.

По теме диссертационного исследования автором опубликовано четыре научные статьи, в том числе три в изданиях, рецензируемых ВАК РФ:

1. Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение "цветные революции"? // Полития. 2010. №2. - С. 107-121.

2. Гилев А.В. Массовая мобилизация в условиях цветных революций: мифологическое измерение // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Вып. 1. Пермь, 2007. - С. 85-93.

3. Гилев А.В. Межэлитные взаимодействия в условиях «цветных революций» // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Вып. 2. Пермь, 2007. С. 109-122.

4. Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Do revolutions matter? / Алексей Гилев: Препринт М-06/09. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 30 с.

Подписано в печать 29.09.2010. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ 311.

Типография Пермского государственного университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.